

Архимандрит Лазарь (Абашидзе)
«Иди, продай волю твою»

Отец Доримедонт говорит, что епископ Игнатий «признает послушание основной монашеской добродетелью», что он «прекрасно пишет о плодах послушания», в то же время, по замечанию отца иеромонаха, «послушание мудрования (святитель может называть его и другими именами, например, “послушание старцу”, “послушание в его древнем виде” и т. п.) им отвергается категорически»[1]. Но, как мы уже заметили, святитель Игнатий считает и возможным в наше время, и весьма необходимым для монахов послушание не только внешнее и деятельное, но именно глубокое, с отвержением своеволия, самосмышления, с частым откровением своих помыслов духовному наставнику. Однако действительно находим у него немало предостережений в отношении всецелого доверия современным «старцам». Святитель отличает монастырское послушание, отсечение своей воли (в том числе и мудрования), отречение самости от того таинственного послушания, которое может быть названо послушанием старцу в высшем смысле этого понятия, и считает, что последнее (в том виде, в каком оно было у древнего монашества) «не дано нашему времени». Постараемся уяснить: какую же именно степень доверия духовному руководителю святитель находит небезопасной сегодня и почему.

Если мы проследим внимательно за примерами послушания в древности (которых множество в патериках, в Лествице святого Иоанна, в писаниях других отцов), то заметим, что отношение монаха к наставнику может иметь весьма различные формы. В одном случае новоначальный сосредотачивает все внимание, строит весь свой подвиг на недоверии себе, на борьбе с самостью, на том, чтобы искоренить в себе гордость, тщеславие, гнев и прочие страсти. На этом уровне может оказаться достаточным строгий, взыскательный наставник (даже не вполне опытный духовно), могут послужить этой цели братья (даже нерадивые), может принести пользу «старец» (даже гневный, страстный, невоздержанный). Поясним это на примерах: преподобный Иоанн Лествичник рассказывает о святом старце Иоанне Савваите, к которому трое иноков обратились за наставлением. Старец сказал одному из них: «Господь хочет, сын мой, чтобы ты пребывал в безмолвном месте в повиновении у духовного отца». Второму сказал: «Иди, продай волю твою и предай ее Богу, возьми крест твой и терпи в общежитии братий...». Третьему же сказал: «Иди, и, если возможно, избери себе наставника о Господе из всех людей суровейшего и строжайшего и, укрепившись терпением, ежедневно пей от него поругание и уничижение, как мед и молоко». Брат же спросил: «Отче, а если он пребывает в нерадении, то что мне делать?». Старец отвечал: «Если бы ты даже увидел, что он блуд творит, не оставляй его... Тогда увидишь, что возношение истребится в тебе и похоть плотская в тебе увянет»[2]. Здесь ясно обрисовываются три вида

послушания, и различаются они не тем, что в одном случае имеет место делание «глубокое», а в другом «наружное», но отличаются взаимоотношением послушника со старшими. Если в первом случае отношения весьма доверительные, искренние («сын» и «духовный отец»), то в двух других духовным училищем становится терпение скорбей, поруганий и унижений («терпи в общежитии», «пей поругание и унижение»). Здесь уже наставники избираются скорее как орудия врачевания, как плетка, смиряющая выю, изгоняющая самость (хотя и в этом случае, конечно, необходимы доверие и любовь к таким «учителям»). Святой Иоанн Лествичник говорит, что «по качествам страстей наших должно рассуждать, какому руководителю отдаться нам в повиновение, и сообразно с тем такого и избирать. Если ты невоздержан и удобопреклонен на плотскую похоть, то да будет твоим учителем подвижник и в отношении к пище неумолимый, а не чудотворец и который готов всех принимать и угощать трапезой. Если ты высокомерен, то да будет твоим руководителем человек суровый и неуступчивый, а не кроткий и человеколюбивый. Не должно искать таких руководителей, которые бы имели дар пророчества или прозрения, но прежде всего истинно смиренномудрых и по нраву и местопребыванию своему приличных нашим недугам...Помышляй всегда, что наставник тебя искушает, и ты никогда не погресишь»[3].

Конкретный пример послушания недуховному старцу находим в той же Лествице, в истории о преподобном Акакии. Святой послушник Акакий, «простой нравом, но мудрый смыслом», был учеником одного старца, который отличался «весьма нерадивой жизнью» и «дерзким нравом». Как повествует святой Иоанн, послушник этот «столько жестокостей перенес от сего старца, что для многих это покажется невероятным; ибо старец мучил его ежедневно не только укоризнами и ругательствами, но и побоями». Старец так бил его, что у послушника оставались то синяк под глазом, то раны на голове или на шее. В той же обители в Азии находился тогда авва Иоанн Савваит, отец высокой духовной жизни (который и поведал эту историю об Акакии). Он, видя, что этот смиренный послушник страдает ежедневно «как купленный раб», говорил ему при встрече: «Что, брат Акакий, каково сегодня?». В ответ тот показывал ему свои раны и следы от побоев. Авва Иоанн понимал, что это для Акакия есть спасительное делание, и говорил ему: «Хорошо, хорошо, потерпи и получишь пользу». Так прожил этот послушник девять лет у своего немилостивого старца и отошел ко Господу. Господь чудом засвидетельствовал, что Акакий своим подвигом самоотвержения достиг высокой святости[4].

Вот еще подобная история: некоторый старец жил в монастыре вне Александрии, был он очень вспыльчив и малодушен. Один юный монах, наслышавшись о нем, дал обет пред Богом, говоря: «Господи! За все злое, сделанное мною, я пойду и буду жить с этим старцем, претерпевая от него все и служа ему, как раб». Так он и поступил. Старец же обращался с ним,

как с псом, ежедневно издевался над послушником. По соседству жил духовный старец и видел, как тот монах малодушествовал, как оскорблял брата и то, как послушник просил у старца прощения, кланялся ему в ноги, но тот не прощал его. Встречая молодого монаха, духовный старец спрашивал его: «Что, чадо? Как прошло сегодня? Приобрели ли мы что?». Брат, зная, что старец этот духовный, не скрывал от него тайн своих и отвечал: «Да, отец, сегодня мы немного потрудились». Когда же он проводил день спокойно, то есть когда он не был обруган, унижен, побиваем и изгоняем, то приходил вечером к духовному старцу тому и жаловался со слезами, что в день тот ничего не приобрел. Двенадцать лет юный тот монах находился в таком подвиге послушания, после чего отошел ко Господу. По кончине его духовный старец увидел блаженного послушника предстоящим Богу в лике мучеников[5].

Другой пример: преподобный Захария жил в скиту со своим родным отцом Карионом, который стал для него и его аввой. Однажды Захарии было видение, он открыл его своему отцу, но тот, хотя и был «старец, сильный в подвижничестве, не был искусен в различении видений. Он встал и бил авву Захарию, говоря: “Твое видение от демонов”». Но поскольку мысль о видении не оставляла Захарию, он ночью пошел к авве Пимену и открыл ему об этом. Старец понял, что видение это было от Бога, и послал его рассказать об этом другому духовному старцу. Тот подтвердил ему, что видение это от Бога. «Но иди,- прибавил он,- и будь послушен отцу своему»[6]. Этот эпизод из жизни святого Захарии так комментирует святитель Игнатий: «Благодатный, духовномудрый старец позаботился сохранить для Захарии то основание, на котором создалось его духовное преуспеяние. От истинного послушания рождается и истинное смирение...»[7]. Конечно же, как святой Акакий, так и святой Захария не были в «слепом послушании» у своих неискусных старцев. Святитель Игнатий так поясняет их подвиг послушания: «Тот и другой находились в послушании у недостаточных старцев, но руководствовались советами духоносных отцов, также назидательнейшими примерами, которые были во множестве пред очами их: единственно по этой причине они могли пребыть в наружном послушании у своих старцев»[8]. В службе святому Акакию Церковь указывает, что блаженный послушник руководствовался поучением в Божественных Писаниях: «Страстей успил еси желания, Акакие, бдение всенощное яко стяжав, послушание и смирение, поучение же Божественных Писаний, и сердце чисто, и ум несмущен. Темже был еси и приятелище Духа Святаго...»[9].

В Лествице также повествуется о вышеупомянутом нами авве Иоанне Савваите, что во время его пребывания в Азии он был послушником у одного кроткого, тихого и безмолвного монаха, но, видя, что старец почитает и покоит его, он посчитал такое обхождение для себя опасным и потому упросил старца отпустить его. После этого Иоанн поместился в одном из общежитий. Там у него было видение, показавшее ему, что он должен много

еще потрудиться ради уплаты некоторого долга. После этого он говорил: «Прожил я в этом общежитии три года, беспрекословно исполняя всякие послушания и будучи всеми унижаем и оскорбляем, как пришелец...». Затем ему опять было видение, что им заплачена одна десятая доля долга. Тогда он решается понести еще больший подвиг и большее бесчестие. «С того времени,- рассказывал авва Иоанн,- начал я притворяться лишенным рассудка, впрочем, не оставлял служения; немилостивые же тамошние отцы, видя меня в таком положении и в прежнем усердии, возлагали на меня все тяжкие дела в обители». И только после трудов и унижений ему было показано в видении, что долг им заплачен[10].

Из древнего патерика известна следующая история: некоторый монах, живший в пустыне Скита в Египте, пришел посетить святых отцов, живших в месте, называемом Келии. Один из тамошних старцев, имея одну отдельно стоящую келию незанятой, предложил ее на время страннику. Вскоре к пришельцу, поскольку он имел благодатный дар преподавать слово Божие, стали ходить за духовным назиданием многие из братьев. Увидев это, старец, предоставивший ему келию, уязвился завистью, так как к нему за все долгое время его жизни в тех местах никто из братьев не обращался за наставлениями. Разгневанный, он послал ученика своего к тому монаху с повелением оставить келию, под предлогом, что она нужна ему самому. Ученик же, придя к скитянину, приветствовал того и сказал, будто старец прислал его осведомиться о здоровье гостя. Тот благодарил старца, сказал, что страдает желудком, и просил молитв о себе. Старцу же своему по возвращении послушник сказал, что странник просит подождать два дня, пока сыщет себе другую келию. Через три дня старец опять посылает ученика с подобным же поручением, да еще и передает через него угрозу, что если скитянин не оставит немедленно его келию, то он сам придет с жезлом и изгонит его силой. Ученик же сказал страннику совсем иное: будто старец послал его узнать, не улучшилось ли здоровье гостя. Пришелец благодарил старца за внимание, говорил, что за его святые молитвы чувствует себя лучше. Старцу же своему ученик сообщил, будто странник просит подождать еще до воскресенья. Наконец старец, воспламененный гневом и завистью, отправился с жезлом в руке выпроваживать «настырного» гостя. Ученик попросился пойти впереди, якобы для того, чтобы посмотреть, нет ли со скитянином кого из братьев, дабы они не соблазнились, увидев старца столь разгневанным. Сам же поспешил к гостю и сказал ему: «Вот отец мой идет, чтобы посетить тебя. Поспешив выйди ему навстречу и поблагодари его, потому что он делает это по побуждению великой сердечной благодати и любви к тебе». Скитянин поспешил навстречу старцу, пал перед ним на землю, воздавая поклонение, благодаря его за оказанную любовь и заботу. Старец, услышав от него слова теплой благодарности, умилился и, кинув жезл, устремился в объятия скитянина. Они дали друг другу целование о Господе, старец пригласил гостя в свою келию вкушать пищу при благодарении Бога... Потом он наедине расспросил ученика своего,

передавал ли он его слова скитянину. Ученик открыл всю истину старцу своему, говоря: «Скажу тебе, владыко, правду: по преданности моей, которою я обязан тебе, как отцу и владыке, я не осмелился сказать ему того, что ты приказывал, и ни одного из слов твоих не передал». Старец, услышав это, пал к ногам ученика, говоря: «От сего дня ты - мой отец, а я - твой ученик...». Повесть эта заканчивается такими словами: «Господь даровал благодать Свою, и они все пребыли в мире Христовом, доставленном верою, святыми попечениями и благонамеренностью ученика, который, любя старца своего совершенною во Христе любовью, очень боялся, чтоб духовный отец его, увлеченный страстью зависти и гнева, не впал в проступок, долженствующий уничтожить все труды его, подъятые с юности в служении Христу...»[11]. Какая примечательная история! Совершенная любовь ученика к старцу, преданность ему и почтение выразились в том, что послушник не послушался своего старца, поступил вопреки его словам и указаниям, когда старец действовал по малодушию и по страсти.

Вот еще поучительный случай, из другой уже эпохи: в то время, когда Дивеевская община находилась в самом начале своего устройства и не была еще духовно окормляема преподобным Серафимом Саровским, начальницей общинки по выбору сестер была поставлена Ксения Кочеулова. Она проводила жизнь настолько суровую, неся подвиги, посильные только монахам, что о периоде ее правления в обители сохранилось воспоминание как о времени невыносимо трудном, подвижническом. Некоторым сестрам она казалась даже жестокой. В первый год ее правления из-за суровой строгости матушки начальницы из 52 сестер выбыло 40 и осталось с ней только 12. Но к тому времени, как святой Серафим мог уже обратить свое внимание на устройство Дивеевской обители, там вновь собралось до 50 сестер. Старец, посылая одну сестру жить в Дивеево, под руководство матушки Ксении, сказал: «Во, матушка! Ксения-то Михайловна жизни высокой, бич духовный, матушка!». При всем том матушка начальница была скуповата и не позволяла давать хлеб сестрам вне трапезы. Батюшка же Серафим строго запрещал когда-либо и кому-либо отказывать в хлебе. Сестра, заправлявшая трапезой, в страхе перед настоятельницей не давала сестрам хлеб. Отец Серафим, узнав об этом, вызвал к себе сестру эту и, страшно разгневавшись на нее, строго и грозно выговаривал ей. Та оправдывалась перед ним, объясняя, что-де начальница не велела давать и строго с нее спрашивает за это. Батюшка Серафим же гневно говорил: «Нет, нет, матушка, нет тебе от меня прощения! Так что ж, что начальница, не она моих сироточек-то кормит, а я их кормлю! Пусть начальница-то говорит, а ты бы потихоньку давала, да не запирала, тем бы и спаслась». Святой Серафим так и ушел, не благословив сестру. Выговор этот так запал ей в душу, что она, как пришла домой, начала хворать, зачахла и потом умерла[12]. Очевидно, преподобный Серафим Саровский требовал, чтобы послушание сестер настоятельнице монастыря было разумное, рассудительное, но никак не слепое, не человекоугодническое.

Святого Иоанна Пророка (сподвижника Варсануфия Великого) спросили: «Если кто-нибудь живет со старцем, но старец сей не в состоянии будет (удовлетворительно) отвечать на его вопросы, брата же будут угнетать помыслы, то не лучше ли ему вопрошать другого отца, согласно с волею своего старца, или даже без воли его?...». Святой отец отвечал: «Если он знает, что авва его действительно заботится о пользе души его, то смело должен сказать ему: “Меня смущают помыслы,- как рассудишь, что мне делать?”...И тот старец сам с радостью приведет ученика своего к человеку, имеющему дарование (рассуждения духовного), или пошлет к нему. Если же брат знает, что старец его не может понести сего, то ничего не должен говорить ему; но, когда найдет удобное время и Бог подаст возможность, пусть спросит о своих помыслах другого духовного старца, прося о том, чтобы не узнал о сем его авва, иначе он возбудит в нем страсть зависти и то, что брат спросил другого без его ведома, причинит ему большую скорбь. Впрочем, брат не должен соблазняться о своем авве, что он не имеет такого дарования, ибо оно не всем дается...»[13].

Итак, во всех описанных случаях обращает на себя внимание своеобразие отношений ученика с наставником, новоначального со старшим, послушника с настоятелем. Очевидно, что их нельзя приравнять к тем таинственным и искренним взаимоотношениям, которые складываются между истинным духовным старцем и водимым им духовным чадом. При всем том, что и в вышеописанных, и в подобных им случаях совершается подвиг отсечения своей воли и отвержения плотского мудрования на самом глубоком уровне, послушник здесь, однако, не всецело доверяет наставнику свое духовное руководство. При решении тонких духовных проблем и избрании внутреннего делания он прибегает к духовному рассуждению, которое обретает, изучая Святое Писание и писания святых отцов, рассматривая подвиг окружающих его ревностных подвижников, прислушиваясь к их наставлениям, пользуется советом других отцов (иногда даже скрывая это от своего наставника). Господь Иисус Христос говорит, что ученик не может быть выше своего учителя (ср.: Мф. 10, 24), а в данном случае мы находим, что многие из этих учеников оказывались по уровню духовности значительно выше своих учителей. Отсюда следует, что в этих случаях наставник не был старцем и учителем в высшем значении этого понятия: слово старец применено здесь скорее в смысле старший, настоятель, даже - начальник. В данных случаях послушание сочетается с рассматриванием, как бы с перепроверкой того, что говорится и делается старшими, с оглядкой на учение святых отцов древности, на пример современных подвижников. При таком послушании Божественный Промысл оставляет за послушником право иметь рассуждение относительно того, что ему предлагается со стороны наставника, оставляет свободу рассматривать свое внутреннее состояние, искать самому (пользуясь, конечно, книгами святых отцов, опытом современников, советом с теми отцами, к которым он испытывает доверие)

способы, наиболее действенные для врачевания своей души, и избирать, исходя из этого, наиболее подходящий для себя образ жизни. Можно сказать, что здесь имеет место доверие к старшим, но не всецелое, не безграничное. Притом, что ученик здесь пользуется пособием от своих неискренних наставников, он, однако, не должен оставлять определенную осторожность, должен хранить некоторую духовную дистанцию, дабы не перенять от них и их слабости. Вспомним: именно такого рода послушание нес преподобный Зосима (Верховской) в Коневском монастыре. Исполняя все виды послушания в обители, находясь под внимательным присмотром со стороны игумена, он, однако, деланию откровения помыслов учится из святоотеческих книг, делание сердечной молитвы узнает от уединенно живущего близ обители монаха. Таковы же отношения его и со старцем Василиском, который становится для него скорее старшим братом, чем наставником. Отец Зосима не все безусловно и слепо принимает от своего старца, но исправляет его заблуждение, когда видит, что намерение отца Василиска не согласуется с учением отцов. Видим, что и святой Паисий (Величковский) находился в таком же послушании во всех обителях, через которые он прошел. Можно сказать, что он по крупницам собирал духовный опыт - то из книг, то от встречаемых им подвижников, но так и не нашел одного постоянного наставника, которому мог бы довериться всецело.

Теперь вспомним, что говорит святитель Игнатий о том послушании, которое возможно и необходимо и в наши времена, и о том, которое он считает едва ли достижимым в наши дни: «Послушание есть спасительнейший подвиг. «...» Старайтесь преуспевать в послушании разумно и благочестно и благодарите Бога, даровавшего Вам этот подвиг. Послушание полезнее всех произвольных подвигов...»[14]. «Сущность монашеского жительства заключается в том, чтоб исцелить свою поврежденную волю, соединить ее с волею Божиею, освятить этим соединением»[15]. «...Монах, в особенности юный, будет не в силах обуздать самих похотений вождения, если прежде не обучится умерщвлению своих волей посредством послушания»[16]. «...Послушание, которым доставляется бесценное сокровище смирения, признано единодушно отцами за основную монашескую добродетель, за дверь, вводящую законно и правильно в умную и сердечную молитву, или, что то же, в истинное священное безмолвие. «...» Если инок будет вести себя в монастыре подобно страннику, не заводя знакомства вне и внутри монастыря, не ходя по братским келиям и не принимая братию в свою келию, не заводя в келии никаких излишеств, не исполняя своих пожеланий, трудясь в монастырских послушаниях со смирением и добросовестностью, прибегая часто к исповеди согрешений, повинуюсь настоятелю и прочим властям монастырским безропотно, в простоте сердца, то, без сомнения, преуспеет в молитве Иисусовой, то есть получит дар заниматься ею внимательно и проливать при ней слезы покаяния. «...» Ничто не доставляет такого свободного доступа к Богу, как решительное самоотвержение, поправление

своей гордости, своего “я”»[17]. «Что значит иноческая добродетель - послушание? Она - признание разума человеческого падшим и потому - отвержение его буйством веры. От веры - послушание, от послушания - смирение, от смирения - духовный разум, который - извещенная вера»[18]. «Приуготовительное обучение к непрестанной молитве совершается посредством послушания и упражнения в монастырских трудах... Ничто так не способствует молитве, как послушание, умерщвляющее нас для мира и для самих себя»[19]. «Если та обитель, в которой вы живете, дает вам возможность проводить жизнь по евангельским заповедям, если вы не низлагаетесь соблазнами в смертные грехи, то не оставляйте обители. Потерпите великодушно ее недостатки, и духовные, и вещественные...»[20].

Очевидно, что наставления святителя о подвиге послушания описывают весьма высокий и самоотверженный подвиг, пример которого мы видели и в вышеописанных случаях. Самое служение монаха в обители, его смирение перед братьями святитель Игнатий возводит на степень крайней самоотверженности: «Хочешь ли ощутить облегчение от борющихся тебя страстей? Хочешь ли найти умиление в твоей келии, без которого, как ладья без якоря, мысль, восхищенная свирепым ветром, носится по волнам мечтания и низвергается в глубину уныния? Хочешь ли увидеть свет от Света? Хочешь ли вкусить любовь, от Любви исходящую и в Любовь ведущую? Возьми мысль твою и повергни к ногам братий и сестер, не различая худых от добрых; скажи помыслу твоему и как можно чаще повторяй, чтоб от мысли родилось чувство: “Это Ангелы Божии, а я одна грехом и мраком подобна диаволу”... Суждено Вам найти облегчение для души Вашей у ног братии...»[21]. «Имей мысль, что служишь не человекам, а Ангелам,- и усладится тебе служение твое. Оказывай любовь и услугу ближним ради Бога, а не по сердечному чувству, влечению, избранию, тем менее пристрастию,- и очистится от нечистоты служение твое... «...» Преуспевай, мужайся в этом служении, веруй обрести посредством его спасение души своей. «...» Преподобный Антоний Великий говорил: “От ближних - наша жизнь и смерть: если упокоим брата,- Бога упокоим. А если оскорбим брата, то согрешаем против Самого Христа”»[22]. Отношения новоначального с духовником святитель Игнатий также понимает как глубокое внутреннее делание: «Сохраняй неменяемость[23], т «о» е «сть» ни с кем не сравнивай себя, а смирения ищи единственно в откровении своих помыслов старице и в отсечении твоей воли перед нею»[24].

Однако, говоря о высоте этого подвига, святитель ясно очерчивает его отличие от того таинственного вида послушания, который может быть назван всецелым послушанием духовному старцу в высшем значении этого понятия[25]. «Иноческое послушание процветало при обилии духовных наставников. С оскудением наставников оскудел и великий подвиг послушания, скоро приводивший подвижников к святости: вера, составлявшая сущность этого подвига, требует, чтоб предмет ее был

истинный и духовный: тогда она приводит к Богу. Вера в человека приводит к исступленному фанатизму»[26]. «Если же в монастыре не имеется удовлетворительного наставника, то чаще исповедуйся в согрешениях пред духовным отцом, а наставления почерпай в Евангелии и книгах, написанных святыми отцами о подвижничестве»[27]. «Напрасно Ваше желание - находиться в полном послушании у опытного наставника. Этот подвиг не дан нашему времени. «...» Нашему времени дан другой подвиг, сопряженный с многими трудностями и преткновениями. Нам пришлось совершать путешествие - не днем, не при солнечном ясном свете, а ночью, при бледном свете луны и звезд. Нам даны в руководство Священное и Святое Писание: это прямо говорят святые отцы позднейших времен. При руководстве Писанием полезен и совет ближних, именно тех, которые сами руководствуются писаниями отцов. «...» Наш подвиг имеет цену пред Богом: на весах Его взвешены и немощь наша, и средства наши, и обстоятельства, и самое время»[28]. «Руководство писаниями святых отцов ведет гораздо медленнее, слабее; на пути этом гораздо больше преткновений: книга, начертанная на бумаге, не может заменить живой книги - человека. «...» Но руководство писаниями отеческими сделалось уже единственным руководством ко спасению по конечном оскудении наставников. Кто подчинится этому руководству, того можно признать уже спасенным; кто же водится собственными разумениями или учением лжеучителей, того должно признать погибшим»[29].

Доримедонт [Сухинин], иеромонах. Учение святителя Игнатия... С. 12-13.^

Иоанн Лествичник, преподобный. Лествица. Слово 4:112. С. 66.^

Там же. Слово 4:120. С. 68.^

Там же. Слово 4:110. С. 63-64.^

См.: Отечник... С. 434-435.^

См.: Достопамятные сказания о подвижничестве святых и блаженных отцов. ТСЛ, 1993. С. 66-67.^

Отечник... С. 132.^

Игнатий (Брянчанинов), святитель. Приношение... С. 73.^

См. службу святому Акакию: на «Господи воззвах» стихира вторая (Минея. Месяц июлий. М., 1996. День 7-й. С. 116). То же: на стиховне вечера стихира вторая (Минея. Месяц ноябрь. М., 1997. День 29-й. С. 616).^

См.: Иоанн Лествичник, преподобный. Лествица. Слово 4:111. С. 64-65.^

Отечник... С. 430-432.^

См.: Серафим (Чичагов), митрополит. Летопись... С. 212-213..^

Варсануфий Великий, Иоанн Пророк, преподобные. Руководство к духовной жизни, в ответах на вопрошания учеников. М., [1993]. Ответ 501. С. 323-324.^

Собрание писем святителя Игнатия... Письмо 282. С. 531, 532.^

Игнатий (Брянчанинов), святитель. Приношение... С. 82.^

Там же. С. 8-9.^

Игнатий (Брянчанинов), святитель. Аскетические опыты. Т. 1. С. 273, 274, 275.^

Собрание писем святителя Игнатия... Письмо 228. С. 439.^

Игнатий (Брянчанинов), святитель. Аскетические опыты. Т. 2. С. 158.^

Игнатий (Брянчанинов), святитель. Приношение... С. 54.^

Собрание писем святителя Игнатия... Письмо 85. С. 165.^

Там же. Письмо 107. С. 187.^

Невменяемость - здесь: не вменять ничего себе в заслугу.- Ред.^

Собрание писем святителя Игнатия... Письмо 142. С. 241.^

См.: Игнатий (Брянчанинов), святитель. Приношение... С. 76-77.^

Собрание писем святителя Игнатия... Письмо 228. С. 439.^

Игнатий (Брянчанинов), святитель. Приношение... С. 19.^

Собрание писем святителя Игнатия... Письмо 229. С. 441, 442-443.^

Там же. Письмо 228. С. 439, 440.^